

Ушел в прошлое 1991 год. В лавинообразном потоке событий — трагических и радостных, загадья прогнозировавшихся или оказывавшихся совершенно непредвиденными, вызвавших мгновенную реакцию и тех, истинное значение которых будет понято нами много позднее, — во всем этом противоречивом калейдоскопе произошедшего за год есть все же нечто бесспорное. Это был год крушения стереотипов. Сама жизнь внезапно обнажила иллюзорность идеалов и обреченность социальных институтов, в незыблемости которых еще позавчера, казалось бы, не было сомнений. Мы иными глазами взглянули на окружающий мир, на самих себя, на свою профессию и сошлись в убеждении, что дороги назад нет.

То же и с нашим журналом. «Советская этнография», которая в течение 60 лет была ведущим этнографическим изданием в нашей стране, прекратила свое существование. И раскрыв этот номер «Этнографического обозрения», кто-то из постоянных читателей наверняка испытает чувство недоумения и разочарования по поводу слишком резкого отхода от давно сложившейся традиции; другой же, напротив, сочтет степень радикальности произошедших перемен недостаточной. Что же все-таки произошло: смена названия или создание нового журнала? Судить об этом — Вам. Я же со своей стороны хочу заметить, что выбор нового названия не случаен. Нам очень хотелось бы, чтобы «Этнографическое обозрение» было воспринято как восстановление после длительного перерыва того журнала, который выходил в Москве с 1889 по 1916 годы и завоевал тогда репутацию одного из лучших этнографических изданий в Европе. Но за последние три четверти века во многом изменился облик самой науки. Поэтому, льстя себя надеждой постепенно подняться до профессионального уровня «Этнографического обозрения» начала века, мы в полной мере отдаем себе отчет в том, что концепция журнала должна отвечать требованиям современного состояния нашей науки и не может механически копировать прежние образцы.

Отрыв от реальности нашего бытия, нежелание или неумение анализировать проблемы, волнующие миллионы людей, — в этом до недавнего прошлого заключалась одна из коренных причин постепенной девальвации этнографического знания. За последние годы ситуация стала меняться. Этнографы начинают отдавать себе отчет в необходимости использовать свою профессиональную подготовку во благо преодоления непрерывно ужесточающейся межэтнической напряженности. Но, как показывает практика, в связи с этим возникают новые вопросы. На фоне резкой политизации этнического самосознания суждения ученых, высказанные на страницах московского журнала, нередко истолковываются как вызывающее аллергию стремление реанимировать имперскую субординацию, как попытка навязать кому-то мнение уже не существующего «центра». Быть может, в этой обстановке следует вообще пока воздержаться от публикации злободневных материалов, грозящих вызвать негативную реакцию у части читательской аудитории и тем подлить масла в пылающий костер национального антагонизма? Представляется, что журнал не может пойти по этому пути. Заявляя об отсутствии у нас желания выступать по отношению к кому бы то ни было в роли идеологического ментора, мы намерены и впредь помещать статьи, в которых с неизбежной долей субъективности анализируются животрепещущие проблемы межнациональных взаимоотношений. В этом смысле дверь в редакцию открыта для любого автора, но при соблюдении им двух предварительных условий: его статья должна содержать новые мысли, обосновываемые конкретным материалом, и не нуждаться в переписывании ее редактором.

Кстати, о языке. В нашей профессиональной среде постепенно выработался особый жаргон, обычно именуемый «академическим». Именно из-за него на-

учные этнографические сочинения в большинстве своем неизвестны за пределами узкого круга специалистов. Мы, кажется, совершенно забыли о том, что даже сугубо теоретические изыскания могут быть облечены в форму, доступную рядовому любознательному человеку и изложены простым русским, а не канцелярско-научообразным языком, напроць отбивающим охоту к чтению. Не исключено, что эта наша позиция будет воспринята кем-то как программа превращения доброго старого «Этнографического обозрения» из научного в научно-популярный журнал. Ну, что ж, не обессудьте за намерение остаться тут при своем мнении. Оно заключается в том, что научные по содержанию и популярные по манере изложения периодические издания — это не последнее из того, в чем нуждается ныне наша наука, если она действительно хочет выйти из своей башни со строгим пропускным режимом.

Но вернемся к теме научности содержания. Нам очень не хотелось бы, чтобы стремление откликнуться на вызов постоянно меняющейся ситуации ограничило бы возможность публиковать в журнале результаты теоретических исследований в области этнологии, антропологии и смежных с ними наук. Большой ошибкой было бы возвращение к временам, когда, по свидетельству наших авторитетных предшественников, достижения этнографической науки в стране относились преимущественно к сфере конкретного описания, а не общетеоретического осмысления. Науку в конечном счете двигают вперед идеи и концепции, и было бы непростительным расточительством относиться с пренебрежением к тому, что сделано советскими учеными в области этнологической теории за последние десятилетия, хотя многое тут нуждается в решительном очищении от догматических плевел.

С другой стороны, одним из хронических пороков советской этнографии было традиционное отсутствие интереса к тому, чем живет сегодня международное этнографическое сообщество и какие проблемы оно обсуждает, если только, правда, вынести за скобки неизбывное желание разоблачать зарубежных фальсификаторов нашей советской действительности. Между тем сегодня абсолютно ясно, что общественное знание может успешно развиваться только при условии взаимообогащения; искусственная изоляция гибельна для науки. И хотя наши возможности довольно ограничены, мы намерены сделать журнал более открытым для суждений, сформулированных за пределами нашей собственной исследовательской традиции.

Наша беда, впрочем, не только в неосведомленности относительно происходящего в мировой этнологической науке. Мы, к сожалению, отчаянно плохо знаем и отечественное научное наследие, подвергшееся в свое время безжалостному препарированию. Задача поэтому состоит в том, чтобы вернуть себе этот утраченный нами пласт научных идей, а истории науки — незаслуженно забытые имена его создателей.

С этого года журнал «Этнографическое обозрение» издается при финансовой поддержке Фонда антропологических исследований Веннер-Грен, которому мы искренне благодарны за помощь. Но все же главное для нас — это поддержка со стороны читателей и подписчиков журнала. Контакты с вами будут укрепляться, в частности, посредством публикации присылаемых в редакцию писем.

Наконец, я хочу заручиться согласием всех читателей «Этнографического обозрения», чтобы от своего и от вашего имени сердечно поблагодарить редакционную коллегию прежнего состава во главе с членом-корреспондентом АН СССР К. В. Чистовым за нелегкий многолетний труд.

Итак, первый номер журнала за новый 1992 год ждет встречи с читателем!

М. В. КРЮКОВ